

Солнце уже стояло в зените, когда Цинхуань, стоя у ворот Двора Жунли, наконец увидела приближающегося Гу Чжису. Она бросилась к нему, но, подойдя ближе, заметила неладное: вместо троих их стало четверо, и среди них была грязная женщина с темным лицом, на котором виднелись следы травм. Цинхуань слегка изменилась в лице.

— Молодой господин... кто это?

— Я расскажу тебе позже, сейчас мне нужно сообщить бабушке.

Гу Чжису прошел мимо нее, не останавливаясь, и добавил:

— И пусть кухня приготовит еду на четверых, я скоро вернусь.

Цинхуань не успела ничего сказать, как он исчез из виду, и она лишь беспомощно протянула руку:

— Молодой господин...

Когда он рассказал Старой госпоже о случившемся, та, учитывая, что это не выходило за рамки обычного поведения Сына от наложницы, закрыла на это глаза и позволила оставить женщину во дворе. Однако после ухода Гу Чжису она изменила свое мнение о нем, решив, что он слишком мягкосердечен и не способен на серьезные поступки.

Гу Чжису не знал об этом, да и не придавал бы значения, даже если бы знал. Сейчас его больше беспокоило другое.

После обеда, увидев вымытую и накормленную женщину, он с удивлением обнаружил, что она не так уж уродлива, и его выражение лица стало слегка странным. Оставив ее в качестве уборщицы, он не спросил, где находится другой человек, и не говорил с ней о чем-либо еще, словно не замечая ее истинной сущности.

Прошло несколько дней, и Гу Чжису, сидя за столом и глядя на давно написанное, но не отправленное письмо, увидел, как она с поклоном вошла, заменила Цинхуань, налила ему чай и, поклонившись, произнесла слова, которые разрешили его сомнения, возникшие с момента встречи с ней.

Другой человек уже вошел в резиденцию вместе с ней.

— У тебя есть брат? И он уже нашел путь в резиденцию?

Женщина представилась Цинь-эр, взяв фамилию бывшего мужа — Ху, но Гу Чжису никогда не слышал, чтобы у нее был брат. Поэтому он сразу понял, что другой человек уже проник в резиденцию князя И под видом ее брата.

— Да... Мы с братом осиротели, он был еще ребенком и шуан, поэтому не мог работать. Я вышла замуж, чтобы поддержать его, но... но теперь я в таком состоянии, а он все еще не стыдится меня. У него нет навыков, чтобы зарабатывать на жизнь, и он может только служить господам. Прошу вас, молодой господин, возьмите его к себе, мы оба будем служить вам верой и правдой!

Она опустила на колени перед Гу Чжису, глаза ее были полны слез, но, глядя на нее сверху вниз, он заметил, что за внешней печалью скрывалась глубокая холодность.

В этот момент тишину в комнате нарушил голос:

— Молодой господин, они такие жалкие, возьмите их к себе.

Услышав этот голос, Гу Чжису не изменился в лице, но в его глазах мелькнул свет, словно он впервые видел говорящего. Медленно произнес имя, он сказал:

— ...Вэй Ю?

Услышав, что кто-то заступился за них, Ху Цинь-эр, не показывая радости, с напряжением посмотрела на Гу Чжису:

— Молодой господин...

Еще ничего не сказав, он уже увидел, как все опустились на колени. Такой спектакль нельзя было прерывать.

— Взять вас можно, — Гу Чжису поднял чашку, подул на плавающие листья и, не дав обрадоваться коленопреклоненным, не спеша добавил. — Но в резиденции установлено правило: у Сына от наложницы не может быть больше двух служанок и двух слуг. Если я возьму вас с братом, у меня будет лишний человек. Как быть?

Ху Цинь-эр не ожидала такого ответа, думая, что он снова будет сговорчивым, и с удивлением подняла голову, встретившись с его насмешливым, глубоким взглядом. В ее глазах мелькнуло удивление, и она снова опустила взгляд, почтительно ответив:

— Я понимаю, что создаю вам неудобства, но не хочу, чтобы вы беспокоились. Мы с братом найдем способ остаться у вас на службе.

Гу Чжису понял, что она заметила его настороженность, и потому вела себя так почтительно. Накрывая чашку, он опустил длинные ресницы, отбрасывающие тень на его бледное лицо:

— Если у вас есть такие способности, я не вижу причин не взять вас. Вставайте.

Услышав согласие Гу Чжису, Ху Цинь-эр обрадовалась, и даже Вэй Ю, заступившийся за них, казался счастливым. Однако его улыбка была странной, и, выйдя из комнаты, он сразу направился в свою, а позже Цинхуань сообщила, что Вэй Ю внезапно заболел, хотя до этого был здоров.

Гу Чжису, выслушав ее, равнодушно взглянул на Вэй Сяня и позволил Вэй Ю отлежаться, не задавая лишних вопросов.

Вечером того же дня Ху Цинь-эр вернулась во двор с худощавым, молчаливым юношей лет пятнадцати. Они поклонились Гу Чжису у ворот, и, неизвестно как, но они остались в Дворе Жунли.

К полуночи во дворе воцарилась тишина, и только в главной комнате Гу Чжису, погасив свечу, сидел в темноте. Через мгновение раздался скрип, и два силуэта, стоя за ширмой, поклонились ему. Чистый женский и юношеский голоса одновременно произнесли:

— Раб Юэ Я.

— Рабыня Юэ Цинь.

— Приветствуем Четвертого молодого господина Гу!

— Юэ Я, Юэ Цинь.

Человек за ширмой не двигался, лишь его низкий голос раздался в темноте:

— Ху Цинь-эр, Ху Я... Итак, вы люди Чанъань, которых он послал мне в помощь. Мне, конечно, неудобно отказаться, раз он хочет помочь.

Сказав это, Гу Чжису открыл глаза, и его взгляд, острый как клинок, устремился на силуэты за ширмой. Он понизил голос:

— Но вы не считаете меня своим господином, а я не могу доверять тем, кто может стать оружием против меня.

Женский голос из-за ширмы без колебаний ответил:

— Четвертый молодой господин, вы ошибаетесь. Мы с Юэ Я — из Юэ Хуэй, и подчиняемся только одному господину. Он передал нас вам, и теперь мы не принадлежим Юэ Хуэй, а являемся вашими слугами.

— Мои слуги? Хорошо сказано.

Гу Чжису, услышав ее чистый голос и увидев рядом с ней фигуру, которая не была ни юношей, ни мужчиной, понял, что один из них — Юэ Цинь, мастерица ядов и лекарств, а другой — Юэ Я, мастер перевоплощений.

Решив оставить их, он холодно произнес:

— Если бы в мире было так легко найти преданных слуг, я бы действительно порадовался.

Женский голос на мгновение замолчал, словно его реакция была неожиданной.

— Четвертый молодой господин...

Гу Чжису встал со стула и бесшумно подошел к ширме. Его черные глаза сверкнули, как острые лезвия:

— Сейчас у меня нет других помощников, и я беру вас только из-за Чанъань. Мне все равно, что вы думаете, но если вы будете действовать самовольно, я верну вас в Юэ Хуэй. Не говорите потом, что я не предупреждал.

Два силуэта за ширмой без колебаний поклонились:

— Слушаем ваши приказы, молодой господин! Не забудем!

— Это хорошо.